

Е.Ю. Чеботарева

К.А. Голубева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
(Email: altyngul.borantai@gmail.com, a.kim@inbox.ru)

Связь психологической автономии женщин с проявлениями насилия в молодых супружеских парах

Аннотация. *Насилие в супружеских отношениях во всем мире становится все более актуальной проблемой. В статье представлено эмпирическое исследование, посвященное анализу взаимосвязи форм проявления насилия со стороны партнера с психологической автономией молодых женщин, включая ее внутриличностные (дифференциация Я и личностная зрелость) и межличностные (межличностная зависимость и стиль привязанности) аспекты. Обнаружена нелинейная связь психологической автономии женщины и уровня насилия со стороны партнера. Наиболее сильно неконструктивные паттерны автономии проявляются в семьях со средним (ближе к низкому) уровнем насилия. В большей степени в зависимости от уровня насилия в паре различаются характеристики привязанности женщин, в наименьшей степени – характеристики дифференциации Я. В семьях с разным уровнем насилия отмечаются специфические взаимосвязи между уровнем насилия и автономии женщины. В общем, при низком уровне насилия отмечаются более активные реакции, направленные на регуляцию степени близости / автономии, при среднем уровне насилия – реакции дистанцирования и усиления автономии, на более высоком уровне (выше среднего) – более пассивные и зависимые реакции.*

Ключевые слова: супружеское насилие, насилие в паре, супружеские отношения, психологическая автономия, привязанность, межличностная зависимость, дифференциация Я, личностная зрелость.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2022-140-3-471-487>

Введение

За последнее время в обществе и в научно-популярной литературе, в частности, возрос интерес к «токсичным» или «деструктивным» отношениям, этот термин в 2018 году даже стал «словом года», наиболее часто используемым в социальных сетях.

Под деструктивными отношениями в научной психологии понимаются отношения, которые характеризуются постоянным психоэмоциональным напряжением между партнерами, пагубно сказываются на их лично-

стях и препятствуют налаживанию контакта в паре [1]; в которых человек не испытывает удовлетворения потребностей в любви, принятии и безопасности, но боится разрыва отношений [2]; в которых один из партнеров наносит психологический или физический вред другому [3].

Для деструктивных отношений характерно применение физического и/или психологического насилия со стороны одного из партнеров [4]. Это может проявляться в различных методах насильственного воздействия, таких как манипулятивное общение, попытки до-

минимировать, агрессивное поведение и даже игнорирование. Это ведет к тому, что в подобных отношениях один партнер вынужден подстраиваться под другого в ущерб собственным интересам, что оказывает разрушительное воздействие на обоих партнеров и отношения в целом [5,6]. Часто в деструктивных отношениях присутствуют два или более видов насилия – психологического, физического, экономического или сексуального. Психологическое насилие часто предшествует и/или следует за остальными формами насилия в отношениях, а также является наиболее распространенным видом насилия в деструктивных отношениях, хотя распознать его труднее, чем остальные формы [7].

В шкале конфликтных тактик, применяемой для идентификации психологического насилия в отношениях, выделяется около 20 характерных проявлений психологического насилия, объединённых в три более общих категории: вербальная и невербальная агрессия; доминантное поведение и тотальный контроль; умышленная провокация чувства ревности у другого человека, а также нарушение личных границ из-за собственной ревности [8]. Если говорить про гендерные различия, то женщины в большей степени склонны к манипулированию с целью получения контроля и власти, в то время как мужчины больше склонны использовать запугивание, доминирование и прямые угрозы [9].

В научной литературе отмечается, что большинство исследований недооценивают системный характер данного явления [10, 11]. Лишь в немногих исследованиях анализировалось поведение как жертв, так и агрессоров [11, 12]. Однако последние эмпирические исследования показывают, что от 50 до 95% индивидов, находящихся в деструктивных отношениях, являются как агрессорами, так и жертвами насилия со стороны партнера [13, 14]. Что указывает на важность исследования личностных и поведенческих факторов, связанных с поведением агрессора.

Накоплено большое число исследований, выявляющих различные внутри- и межлич-

ностные факторы агрессии и насилия в межличностных, в том числе супружеских отношениях. Если обобщить смысл самых разных исследований в этом направлении, то можно увидеть, что многие факторы так или иначе касаются психологической автономии партнеров, их способности конструктивно регулировать психологическую дистанцию в своих отношениях. Имеется немало свидетельств, что психологическое насилие со стороны партнера в романтических отношениях связано с ненадежными стилями привязанности [15, 16]. Некоторые исследования также показали, что избегание близости и попытки отстаивания своих личных границ связаны с применением насилия в романтических отношениях как способа оттолкнуть партнера, дистанцироваться, когда партнер стремится к излишнему сближению [17]. Способы регулирования близости – отдаленности в романтических отношениях хорошо описывает концепция дифференциации Я. В психоаналитических работах хорошо освещается, каким образом возникает агрессия в интерсубъектной ситуации как реакция на препятствия на пути процесса дифференциации Я [18]. В продолжение этой темы исследуется и роль межличностной / эмоциональной зависимости от партнера в поддержании деструктивных отношений [19, 20].

Обобщая все имеющиеся данные о насилии в близких отношениях взрослых людей, мы неизбежно приходим к пониманию важнейшей роли такого интегративного понятия, как личностная зрелость [21]. Например, доказано, что личностная зрелость позволяет повысить уровень адаптированности молодых супругов к семейной жизни [22].

Таким образом, мы считаем важным рассматривать ряд основных внутри- и межличностных аспектов психологической автономии, связанных с участием в деструктивных отношениях в роли автора насилия или его жертвы.

Важно также учитывать, что в деструктивных отношениях насилие вне зависимости от его вида и формы носит циклический харак-

тер и проходит определенные стадии [23]. При этом с увеличением продолжительности отношений, спокойные периоды примирения становятся короче, в отношениях чаще чувствуется напряженность, устанавливаются определенные паттерны взаимодействий агрессора и жертвы, подкрепляющих реакции друг друга и затрудняющих разрыв деструктивных отношений [24].

Методы исследования

Цель данного исследования заключается в том, чтобы изучить особенности проявлений психологической автономии молодых женщин, являющихся субъектами деструктивных отношений, то есть включающих разного рода насилие, по сравнению с женщинами, состоящими в благополучных отношениях, и связь характеристик автономии женщин с формами насилия их партнеров.

Общей гипотезой исследования стало предположение, что молодые женщины, являющиеся субъектами деструктивной привязанности к партнеру, обладают специфическими особенностями психологической автономии, в сравнении с теми, кто состоит в благополучных отношениях.

Общая гипотеза раскрывалась в ряде **частных гипотез** о том, что особенности автономии женщин – субъектов деструктивной привязанности проявляются в: 1) более высоком уровне межличностной зависимости; 2) менее надежной привязанности; 3) более низком уровне дифференциации Я, 4) более низком уровне личностной зрелости; 5) специфических взаимосвязях показателей психологической автономии с разными проявлениями насилия в отношениях.

Для эмпирического исследования мы использовали следующие психодиагностические методики: для определения степени деструктивности отношений с партнером – Шкалу насилия в паре (Defining psychological abuse D. R. Follingstad, D. D. DeHart [25]) в адаптации И. А. Фурманова [26], для целей нашего исследования мы несколько изме-

нили инструкцию. Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале «насколько перечисленные ниже модели поведения свойственны вашему партнеру в отношении вас». Для оценки межличностной зависимости использовался Опросник межличностной зависимости (Interpersonal Dependency Inventory R. Hirschfeld [27]) в адаптации О.П. Макушиной [28]; для изучения стиля эмоциональной привязанности к партнеру – Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых (Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment (MIMARA) К. А. Brennan, P. R. Shaver [29]) в адаптации Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик [30]; для определения уровня личностной зрелости – Методика диагностики личностной зрелости В.А. Руженков, В.В. Руженкова, И.С. Лукьянцева [31]; для изучения характеристик дифференциации-Я – соответствующий опросник Э.Скоурон и М.Фридлэндера (Differentiation of Self Inventory (DSI) Skowron [32]) в переводе Е.Ю. Чеботаревой [33]. Для оценки общих характеристик выборки по изучаемым параметрам использовалась описательная статистика, для оценки статистической значимости различий – U-критерий Манна-Уитни – для корреляционного анализа – метод ранговой корреляции Спирмена. Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи программного пакета Statistica 10.0.

Результаты и обсуждение

Выборку исследования составили 83 женщины в возрасте от 20 до 35 лет (средний возраст 27,6), проживающие вместе со своим партнером не меньше 1 года (M=4 года) и не имеющие детей. Средний возраст их партнеров – 30,7 лет. 53% респондентов имеют высшее образование, 35% – неоконченное высшее или среднее специальное.

Поскольку в деструктивных отношениях часто важным фактором является материальная зависимость одного партнера от другого, мы учитывали материальные условия пар, представленных респондентами нашего ис-

следования. Большинство респондентов (90%) и их партнеров (93%) имеют стабильную работу, в 71% пар общий или частично общий бюджет. Большая часть респондентов (63%) отмечают большую или меньшую неудовлетворенность своим материальным положением, также 53% опрошенных женщин считают, что их партнеры вносят больший, чем они, вклад в материальное благополучие пары, а 31% считают, что они вносят равный с партнером финансовый вклад. То есть, можем говорить об умеренной финансовой зависимости участниц исследования от их партнеров: в большинстве случаев партнер вносит важный вклад в финансовое благополучие при общей ограниченности материальных ресурсов, но у респонденток есть образование, стабильная работа и собственный источник доходов, хоть и оцениваемый ими как недостаточный на данный период.

В ответах на прямые вопросы анкеты большая опрошенных женщин сообщали, что отношения с партнером их устраивают, что они дорожат этими отношениями и ощущают, что эти отношения важны и для их партнеров, что ссоры в их парах случаются не так часто.

Опрос показал, что женщины, составившие выборку исследования, в среднем оценивают уровень **психологического насилия** со стороны их партнеров как относительно невысокий ($M=1,5$), однако, более 13% респонденток сообщали об уровне насилия выше среднего. В целом по группе сильнее всего выражены такие проявления насилия как неадекватное решение проблем в паре, стремление партнера к доминированию; слабее всего – физическое насилие со стороны партнера.

Показатели **межличностной зависимости** данной выборки в целом находятся в пределах нормативных значений. Общий уровень межличностной зависимости ($M=47,8$) – средний, показатели по шкалам «Неуверенность в себе» ($M=34,2$) и «Стремление к автономии» ($M=30,2$) находятся ближе к верхней границе нормативных значений, а показатель «Эмоциональной опоры на других» ($M=43,8$) ближе к нижней границе нормы. То есть, при общем

среднем уровне межличностной зависимости у большей части женщин этой выборки довольно часто проявляется неуверенность в себе, ожидание негативных оценок со стороны других людей и склонность в большей степени опираться на себя, чем на близких, к некоторому дистанцированию от других. Таким образом, результаты оценки межличностной зависимости косвенно подтверждают данные об умеренной степени выраженности неблагополучия в супружеских отношениях, отражают относительно невысокий уровень доверия партнеру и открытости в отношениях.

Все показатели **романтической привязанности** в этой выборке также находятся в рамках нормативных значений. Ближе всего к верхней границе нормативных значений находятся показатели шкалы «Стремление к сближению» ($M=5,4$), то есть для респондентов данной выборки характерно стремление строить эмоционально близкие отношения с партнером. В то же время, тенденция к «срастанию с партнером» ($M=3,8$) в среднем по выборке не так велика, на нижней границе нормы. Это означает, что респонденты готовы строить эмоционально близкие отношения, сохраняя психологическую автономию и дифференцированность личных границ и не сливаясь с партнером. Показатели по шкале «Фрустрация» ($M=3,4$) находятся примерно в середине диапазона нормативных значений, что означает, что опрошенные женщины в отношениях периодически сталкиваются с фрустрацией, бывают не вполне неудовлетворены своими супружескими отношениями. Показатели по шкале «Самоподдержка» ($M=3,9$) находятся ближе к верхней границе нормативных значений, что соотносится с данными по методикам насилия и межличностной зависимости о наличии некоторой доли неблагополучия в отношениях и стремлении в большей степени опираться на себя, чем на партнера. Показатели по шкалам «Ревность/страх быть оставленным» ($M=3,9$) и «Доверие» ($M=3,8$) почти одинаковые и находятся в середине нормативного диапазона, что говорит об умеренном проявлении как доверия, так

и ревности, сочетании этих двух тенденций. Исходя из того, что показатель «Амбивалентности» ($M=3,4$) находится на нижней границе нормативного диапазона, можно сделать вывод, что выявленное равновесие доверия и ревности отражает не противоречивость оценок, а скорее, присутствие в выборке людей с разными тенденциями. В целом, мы можем охарактеризовать привязанность женщин, участвовавших в исследовании как достаточно надежную, в которой присутствует стремление к выстраиванию близких, открытых отношений и эмоциональной близости с партнером, но без сильного слияния и с сохранением личной автономии. Отмечается средний уровень фрустрации в отношениях, некоторый баланс между доверием партнеру и ревностью, страхом потери отношений, тенденция несколько больше опираться на себя, чем на партнера.

Все показатели дифференциации Я находятся в пределах нормативных значений. Общий уровень дифференциации Я ($M=34$) находится ближе к нижней границе тестовых норм, что говорит о том, что в целом у респондентов по выборке недостаточно хорошо выстроены личные границы. В интраличностном аспекте **дифференциации Я** сильнее выражен показатель «Я позиции» ($M=3,8$) что соответствует примерно середине нормативного диапазона и отражает достаточно хорошую уверенность респондентов в себе, способность следовать личным убеждениям в ситуациях, когда другие люди заставляют поступать иначе, и еще раз подтверждает выявленную ранее тенденцию полагаться преимущественно на себя. Показатель «Эмоциональной реактивности» ($M=2,7$) находится на нижней границе нормы, так как шкала обратная, это соответствует относительно более высокой эмоциональной реактивности, несколько сниженной способности владеть собственным эмоциональным состоянием в ситуациях стресса. То есть дифференциация Я достигается преимущественно волевыми усилиями, а не гармоничностью эмоциональной сферы.

Среди межличностных аспектов дифференциации Я показатели шкалы «Слияние

с другими» ($M=3$) находятся примерно на среднем уровне, что отражает среднюю степень межличностной зависимости, умеренное стремление к эмоциональному слиянию в близких отношениях. Показатели по шкале «Эмоциональный разрыв» ($M=4$) находятся ближе к нижней границе нормативных значений. Так как шкала обратная, то это означает, что респонденты выборки мало склонны к эмоциональным разрывам, предпочитают прояснять отношения. В целом, межличностная дифференциация в этой группе достигается преимущественно через готовность к сближению и прояснению отношений, чем через дистанцирование. В среднем по выборке отмечается наличие достаточно четких и гибких личных границ, им свойственна достаточно развитая способность регулировать свои эмоциональные состояния и межличностные отношения.

Все показатели **личностной зрелости** также находятся в пределах нормативных значений. Общий балл личностной зрелости ($M=85,4$) находится ближе к верхней границе тестовых норм, что означает довольно высокий общий уровень психологической зрелости респондентов. По шкалам «Ответственность» ($M=18,3$), «Терпимость» ($M=17,1$) и «Самостоятельность» ($M=18,1$) средние показатели находятся ближе к верхним границам тестовых норм, что говорит, что значительной части респондентов свойственно брать на себя ответственность за события, происходящие в их жизни, а не перекладывать ответственность на других людей или обстоятельства, у них достаточно ярко выражена устойчивость к внешним воздействиям, а также способность быть независимым от других людей, брать на себя инициативу, иметь собственное мнение и суждения. Показатели по шкалам «Саморазвитие» ($M=15,9$) и «Позитивное мышление» ($M=16,1$) расположены в середине нормативного диапазона, что означает среднюю степень стремления к самосовершенствованию и самореализации, а также умеренную склонность видеть во всех событиях положительные стороны. То есть, по данным этой методики мы также, как и в предыдущих, можем наблю-

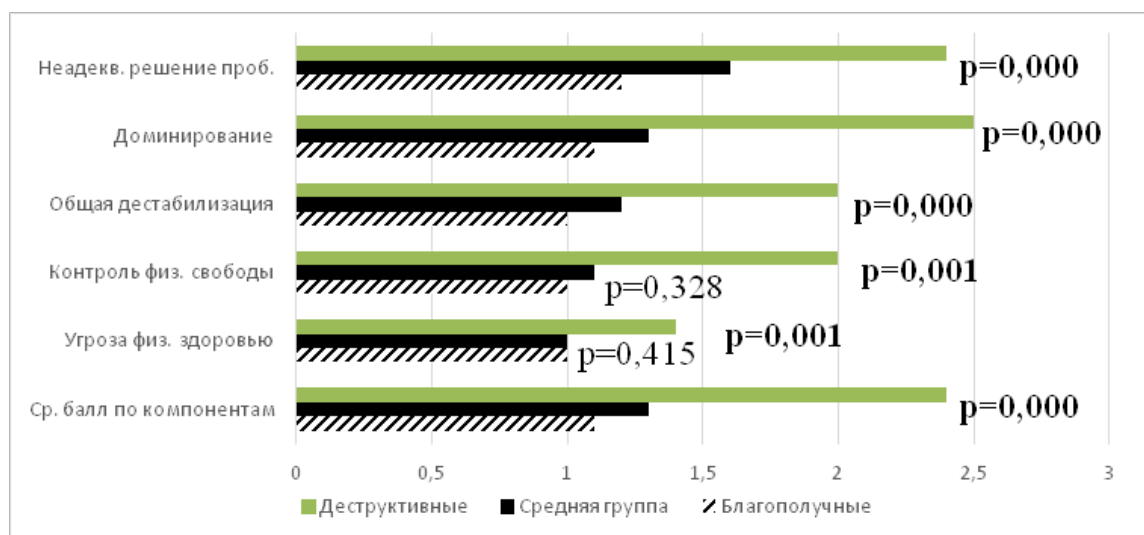

Рисунок 1 - Статистически значимые различия в проявлениях насилия в паре между группами с разными уровнями насилия (Шкала насилия в паре, n=83)

дать сниженные показатели по тем шкалам, которые косвенно связаны с доверием партнеру, и повышенные показатели по тем шкалам, которые отражают опору на себя.

Таким образом, в среднем, супружеские отношения молодых женщин, составивших выборку нашего исследования, можно охарактеризовать как относительно благополучные, с невысоким средним уровнем насилия в паре, средним уровнем зависимости в отношениях, с определенной степенью фрустрации и недоверия партнеру. Сами женщины отличаются относительно надежным стилем привязанности, средним уровнем дифференциации Я и личностной зрелости. Они демонстрируют стремление к выстраиванию эмоционально близких и открытых отношений с партнером, но без слияния, с сохранением дифференцированности личных границ. Видимо, определенная степень неблагополучия отношений объясняет стремление опираться преимущественно на себя, а не на партнера при возникновении жизненных сложностей.

Так как анализ описательных статистик по вышеописанным методикам показал ненормальное распределение показателей по всем методикам и наличие респондентов, демонстрирующих разные тенденции, было принято решение для дальнейшего анализа

разделить выборку на 3 группы по степени деструктивности их отношений. За основу распределения респондентов по группам был принят уровень насилия в паре. Вся выборка была проранжирована по показателям общего уровня методики «Шкала насилия в паре». К группе людей, состоящих в отношениях с низким уровнем деструктивности были отнесены респонденты, набравшие, в среднем, до 1,19 баллов (37 респондентов), данная группа была нами условно обозначена как группа с благополучными отношениями / низким уровнем насилия. К группе людей, состоящих в отношениях со средним уровнем деструктивности были отнесены респонденты, набравшие, в среднем, от 1,20 до 1,68 баллов (24 респондента), эта группа была нами условно обозначена как средняя группа. К группе людей, состоящих в отношениях с относительно высоким уровнем деструктивности / высоким насилием были отнесены респонденты, набравшие, в среднем, от 1,69 баллов (22 респондента), данную группу мы условно обозначили как группу условно деструктивных отношений.

Важно отметить, что, когда мы говорим о высоком уровне деструктивности в данном исследовании, следует учитывать, что в этой группе деструктивность отношений только

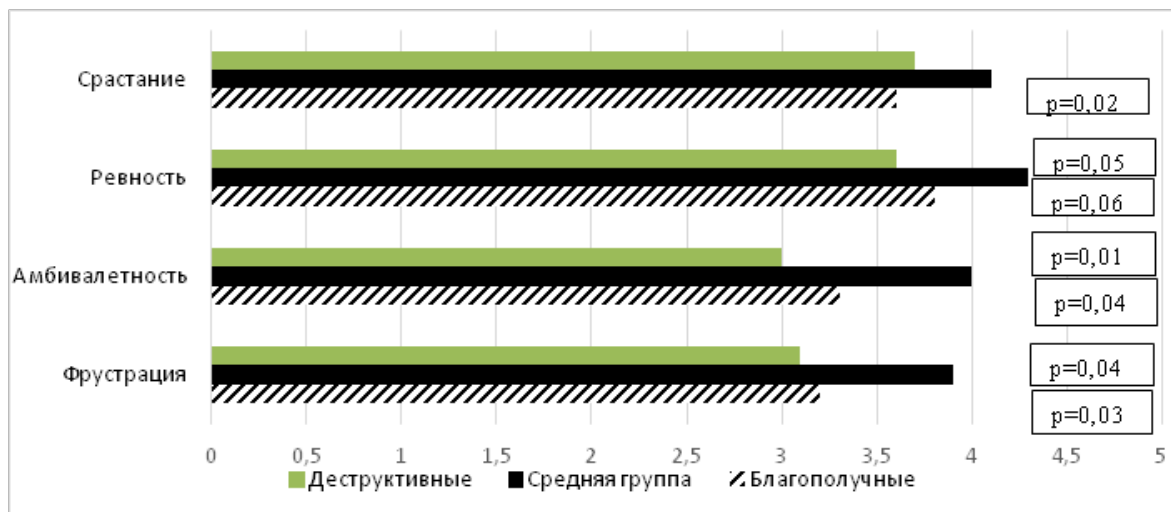

Рисунок 2 – Статистически значимые различия в характеристиках привязанности е между группами с разными уровнями насилия (MIMARA, n=83)

относительно выше других. Хотя также важно принимать во внимание возможность эффекта социальной желательности в ответах респондентов по этой методике.

Сравнительный анализ проявлений насилия в трех выделенных группах с помощью U-критерия Манна-Уитни (рис.1) показал статистически значимые различия по ряду форм проявления насилия между всеми тремя группами. Женщины, состоящие в более деструктивных отношениях, значимо чаще сообщают о неадекватном решении проблем в отношениях, о стремлении партнера к доминированию, контролю физической свободы женщины, об угрозе физическому здоровью и об общей дестабилизации отношений.

Между группами с низким и средним уровнями деструктивности различия значимы по этим же шкалам, за исключением уровней физического насилия (контролю физической свободы и угрозе физическому здоровью). В группах с низким и средним уровнями насилия уровень физического насилия минимальный, в отличие от группы с высоким уровнем насилия, где он тоже относительно невысокий, но значимо выше.

Сравнительный анализ межличностной зависимости трех выделенных групп не выявил статистически значимых различий по

общему уровню зависимости и отдельным ее аспектам. Единственное значимое различие выявлено между двумя крайними группами по параметру «Эмоциональной опоры на других» ($p=0,04$), женщины, находящиеся в более деструктивных отношениях, значительно меньше, чем другие склонны доверять другим людям, просить и принимать от них помощь в трудных ситуациях. Интересно также, что наиболее высокий показатель опоры на других отмечается в группе со средним уровнем насилия, уровень значимости различий между группой со средней и высокой деструктивностью на уровне тенденции к значимости ($p=0,08$). Таким образом, наше, основанное на данных теоретического анализа, предположение о том, что межличностная (эмоциональная) зависимость является одним из признаков деструктивности отношений, в данном исследовании не подтверждается. Возможно, это связано с тем, что уровень насилия в целом был относительно невысоким. При относительно невысоком уровне насилия отмечается постепенное усиление опоры на других при небольшом усилении степени насилия, что возможно, отражает общий стиль отношений доминирования и контроля со стороны мужчин и принятие такого положения вещей женщинами; а при еще большем

усилении насилия происходит дистанцирование от партнера и опора преимущественно на себя.

Статистически значимые различия по характеристикам привязанности к близким людям между тремя группами представлены на рисунке 2.

По показателям надежной привязанности между 3 группами статистически значимых различий не выявлено. Обращает на себя внимание то, что выше всего показатели ненадежной привязанности отмечаются в группе со средним уровнем насилия. Женщины этой группы отличаются от тех, кто в отношениях с низким и высоким уровнями насилия, большим стремлением к психологическому срастанию с партнером, установлению чрезмерно близких отношений. Также среди женщин средней группы чаще, чем в двух других группах, отмечается фрустрация в супружеских отношениях и амбивалентность по отношению к партнеру, чаще встречаются проявления ревности и страхи прекращения

отношений. Это говорит о том, что женщины в отношениях со средним уровнем насилия чаще не вполне удовлетворяют свои потребности в любви, принятии и безопасности. Возможно, неуверенность в отношениях мешать этим женщинам отстаивать свои личные границы во взаимодействии с партнером.

Исходя из этих данных, мы можем предположить, что ненадежная привязанность может проявляться при относительно небольших проявлениях насилия в отношениях. При более высоком уровне насилия люди могут либо бояться выражать недовольство отношениями из-за чувства небезопасности в отношениях, либо у них срабатывают психологические защиты и люди начинают находить оправдания тому, что они в этих отношениях остаются.

Сравнительный анализ дифференциации Я в трех группах женщин статистически значимых различий не выявил.

По **личностной зрелости** статистически значимых различий между выделенными груп-

Сплошными линиями обозначены прямые связи, пунктирными – обратные.

Рисунок 3 - Статистически значимые корреляции между показателями насилия в отношениях и дифференциации Я женщин, состоящих в браках с низким, средним и высоким уровнями насилия

пами не обнаружено. Можно отметить только тенденцию к значимости различий ($p=0,09$) между группами с высоким и низким уровнями деструктивности отношений по общему уровню личностной зрелости. И что особенно интересно, на уровне тенденции ($p=0,08$) группа с высоким уровнем деструктивности отличается более позитивным мышлением. Что, возможно, указывает на одну из причин сохранения таких отношений, но это требует дополнительной проверки в специально организованном исследовании.

Таким образом, сравнительный анализ характеристик отношений и личностных особенностей женщин, состоящих в отношениях с разным уровнем насилия, указывает на то, что связь между уровнем насилия и проявлениями личностной автономии женщин не линейная. Наибольшая степень дисфункциональности привязанности женщин проявляется в отношениях со средним уровнем деструктивности (близким к низкому). Для этой группы характерны неудовлетворенность потребностей в любви, принятии и безопасности, и противоречивые чувства по отношению к партнеру. При этом, женщины в подобных отношениях более склонны ревновать своих партнеров и бояться разрыва отношений. Они более склонны полагаться на своих партнеров, чем женщины других групп. Женщины из группы с относительно высоким уровнем насилия в меньшей степени доверяют своим партнерам и больше склонны полагаться на себя.

Обобщая результаты сравнительного анализа, также можно сказать, что личностные аспекты автономии в меньшей степени различаются в группах с разной степенью насилия, чем межличностные ее аспекты. То есть, характер отношений, видимо, в большей степени связан с насилием в отношениях, чем личностные особенности их участников.

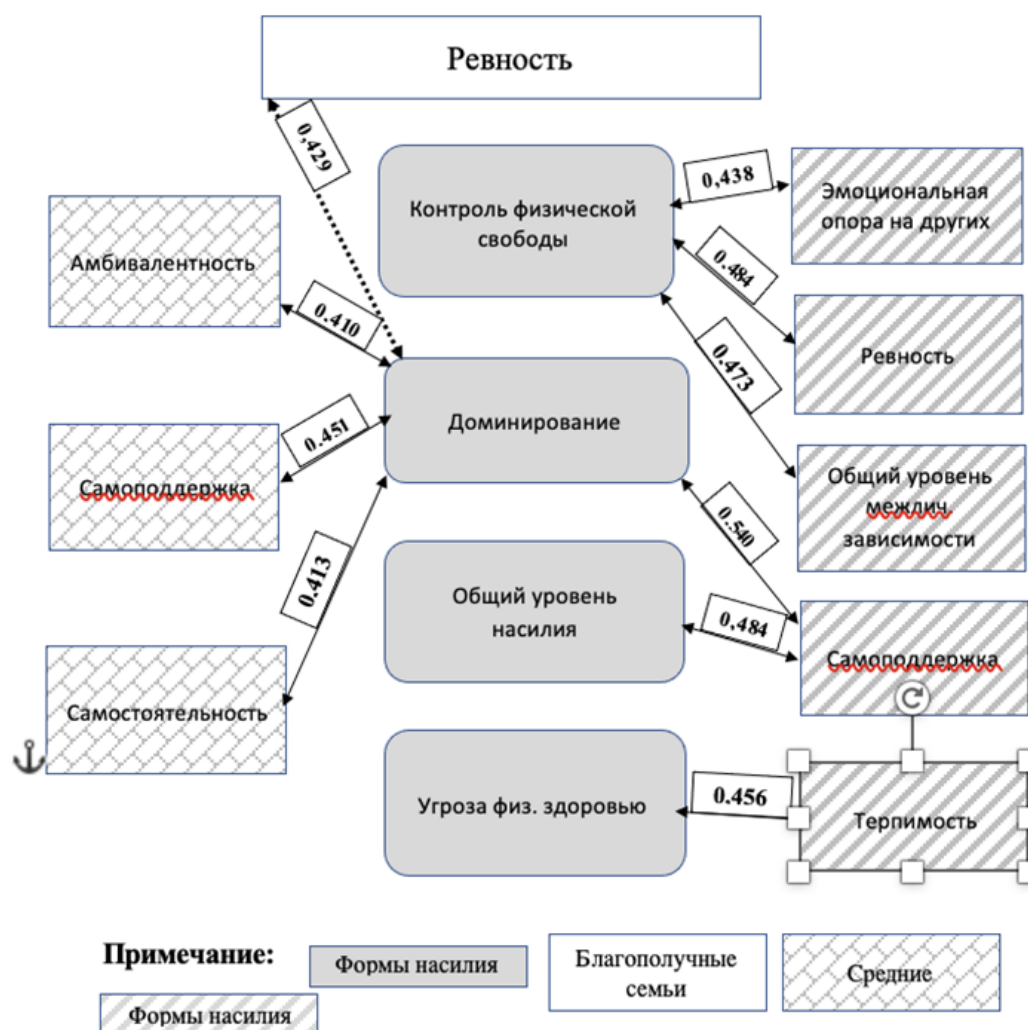
Поскольку были обнаружены нелинейные связи особенностей автономии женщин с уровнем деструктивности отношений, корреляционный анализ проводился для каждой группы отдельно. На рисунках 3 и 4 представ-

лены сводные результаты корреляционного анализа для трех групп.

Хотя значимых различий по уровню дифференциации Я между тремя выделенными группами не обнаружено, корреляционный анализ показал статистически значимые корреляции большинства показателей дифференциации с уровнем насилия в группе именно с низким насилием (рис.3). В частности, общий уровень насилия обратно связан с силой Я-позиции, со способностью регулировать свои эмоции (высокие баллы по обратной шкале «Эмоциональной реактивности»), со способностью гибко регулировать дистанцию в отношениях и прояснять отношения (высокие баллы по обратной шкале «Эмоционального разрыва») и со способностью сохранять собственную автономию в отношениях (высокий балл по обратной шкале «Слияния с другими»). Такие проявления насилия, как доминирование партнера, неадекватное разрешение проблем показали статистически значимые корреляции с теми же аспектами дифференциации Я.

В группе со средним уровнем насилия обнаружена единственная статистически значимая прямая корреляция – между стремлением сохранять свою автономию и контролем физической свободы со стороны партнера. То есть при среднем уровне насилия в отношениях, чем больше у женщины проявляется стремление к независимости, тем сильнее ее партнер ее контролирует.

Обращает на себя внимание то, что один и тот же параметр дифференциации Я – стремление к слиянию / автономии по-разному связан с насилием в зависимости от уровня насилия. В более благополучных отношениях стремление к установлению четких границ связано с более низким уровнем насилия, а при более высоком уровне насилия (среднем) – связано с более высоким уровнем насилия, проявляющемся в физическом контроле. В группе с самым высоким уровнем насилия (выше среднего) уровень насилия оказался значимо не связан с дифференциацией Я. Видимо, в таких отношениях женщины имеют

Сплошными линиями обозначены прямые связи, пунктирными линиями - обратные корреляции.

Рисунок 4 - Статистически значимые корреляции между показателями насилия в отношениях и характеристик автономии женщин, состоящих в браках с низким, средним и высоким уровнями насилия

меньше возможностей проявлять свои личностные характеристики автономии, в большей степени сказываются сложившиеся паттерны отношений.

Статистически значимые корреляции других изучавшихся показателей психологической автономии женщин и разных проявлений насилия представлены на рисунке 4.

Как видно из рисунка 4, в группе с низким уровнем насилия статистически значимую связь с насилием обнаруживает единственный параметр – ревность женщин в отношениях, которая обратно связана с доминированием

партнера. Видимо, в достаточно надежных отношениях реакции партнеров, скорее комплементарны: чем больше мужчины стремятся доминировать, тем больше женщины принимают их авторитет и более уверены в отношениях, а меньшее доминирование могут воспринимать как невовлеченность, реагируя на это ревностью.

В группе женщин, находящихся в отношениях со средним уровнем насилия, как и в группе с низким уровнем насилия, значимые корреляции обнаружены только с проявлением доминирования партнера. В этой группе

доминирование партнера прямо связано с такими показателями привязанности как амбивалентность в восприятии своих отношений с партнером и ориентация на самоподдержку, а также с показателем личностной зрелости – самостоятельность. Видимо, чрезмерное давление со стороны партнера приводит к тому, что женщины начинают сомневаться в отношениях, больше ориентироваться на себя, меньше полагаться на партнера, что, в свою очередь, вызывает у партнера еще большее желание доминировать в отношениях, чтобы сохранить над ними контроль.

Больше всего значимых связей разных аспектов автономии с насилием проявилось в группе с высоким уровнем насилия. Как и в средней группе, доминирование здесь прямо связано с самоподдержкой. Также с самоподдержкой прямо связан и общий уровень насилия. Но в этой группе, помимо доминирования, большую роль играет контроль физической свободы, который прямо связан в этой группе с общим уровнем межличностной зависимости женщины, ее ревностью и стремлением опираться на других, то есть с рядом показателей ненадежной, тревожной привязанности. Также отмечается прямая связь между угрозой физическому здоровью и терпением, как показателем личностной зрелости. То есть, здесь мы видим, что высокий уровень личностной зрелости в отдельных ее проявлениях может способствовать сохранению деструктивных отношений, либо деструктивные отношения способствуют большей личностной зрелости.

Таким образом, сравнительный анализ корреляций психологической автономии женщин с насилием в их супружеских отношениях позволяет проследить определенную тенденцию. По мере нарастания степени насилия в паре, усиливаются и те проявления насилия, включенные в структуру этих связей (от доминирования партнера до физического контроля), и увеличивается число задействованных показателей автономии, и меняется характер проявлений автономии: в семьях с низким уровнем насилия женщины реагиру-

ют на изменения интенсивности насилия, изменением проявлений ревности, т.е. активной реакцией, направленной на усиление контакта; в семьях со средним уровнем насилия большую роль играют реакции дистанцирования, большей опоры на себя и самостоятельности, а в семьях с высоким уровнем насилия, расширяется репертуар реакций и начинают усиливаться пассивные, тревожно-зависимые реакции.

Для облегчения восприятия результатов разных этапов исследования мы представили выше обсуждение частных результатов сразу по мере их описания. В завершении, следует обратить внимание, что в данном исследовании имеются определенные ограничения в распространении выводов, полученных на выборке исследования, на генеральную совокупность. Важно учитывать, что в выборке средний уровень насилия в отношениях на относительно низком уровне, респондентов с высоким уровнем насилия в выборке довольно мало. То есть полученные результаты описывают закономерности отношений без учета очень высокого уровня насилия. Так как показано, что при разном уровне насилия проявляются разные закономерности, выявление особенностей отношений с высоким уровнем насилия, особенно физического, требует отдельного исследования. Также наше исследование сосредоточено на изучении реакций женщин на насилие со стороны их партнеров. Хотя разные исследования показывают, что нет гендерных различий в общем уровне насилия в парах, но имеются различия в том, какие формы насилия чаще используются. Соответственно, требуют изучения и гендерные особенности взаимосвязей психологической автономии с насилием в паре.

Нам представляется важным результатом этого исследования то, что при разных уровнях насилия актуализируются разные проявления психологической автономии, в том числе, разную роль играют внутриличностные и межличностные факторы. Соответственно, изучение роли разных групп факторов в поддержании деструктивных отношений также требует более детального изучения.

Мы постарались в обсуждении результатов показать взаимосвязь и взаимоподкрепление реакций автора насилия и жертвы. Ограниченный объем статьи не позволяет обсудить эти примеры достаточно подробно, но важно учитывать, что все выявленные взаимосвязи можно наиболее полно объяснить именно с точки зрения системного характера семейного взаимодействия.

Выводы

В целом, молодые женщины, находящиеся на ранних этапах супружеских отношениях, характеризуют свои отношения как достаточно благополучные, отмечая относительно невысокий уровень насилия в паре и средний уровень психологической автономии, как внутри- так и межличностной.

У молодых женщин, состоящих в отношениях с низким уровнем насилия, отмечается более надежный стиль привязанности, проявляющийся в достаточной удовлетворенности потребности в любви, принятии и безопасности, большей уверенности в отношениях, а также способности выстраивать эмоционально близкие отношения с партнером без слияния, сохраняя хорошо дифференцированные личные границы.

Наибольшая степень дисфункциональности привязанности женщин проявляется в отношениях со средним уровнем деструктивности (близким к низкому). Для этой группы характерны неудовлетворенность потребностей в любви, принятии и безопасности, и противоречивые чувства по отношению к партнеру. При этом, женщины в подобных отношениях более склонны ревновать своих партнеров и бояться разрыва отношений. Они более склонны полагаться на своих партнеров, чем женщины других групп.

Женщины из семей с относительно высоким уровнем насилия в меньшей степени доверяют своим партнерам и больше склонны полагаться на себя, но они меньше выражают свое недовольство, демонстрируют более пассивную отстраненность.

Ненадежная привязанность ярче проявляется при относительно невысоком уровне насилия в отношениях. Для таких отношений характерно сопротивление насилию и отстаивание себя в отношениях; при более высоком уровне насилия в отношениях, видимо, проблемы отношений чаще замалчиваются.

Взаимосвязи психологической автономии женщин с насилием в их супружеских отношениях различаются в семьях с разным уровнем насилия. По мере нарастания степени насилия в паре, усиливаются проявления насилия, включенные в структуру этих связей (от доминирования партнера до физического контроля).

Заключение

Механизмы взаимосвязей насилия партнеров с автономией женщин в семьях с разным уровнем деструктивности можно охарактеризовать следующим образом: в семьях с низким уровнем насилия преобладают активные реакции, направленные на оптимизацию контакта; в семьях со средним уровнем деструктивности в большей степени проявляются реакции дистанцирования, усиления внутри- и межличностной автономии; в семьях с относительно высоким уровнем деструктивности отмечается более широкий репертуар реакций, но преобладают пассивные, тревожно-зависимые реакции.

Таким образом, общая гипотеза исследования подтверждена. Частные гипотезы подтвердились частично: больше всего различий между женщинами, состоящими в отношениях разной степени деструктивности, обнаружено в характеристиках их привязанности, в характеристиках межличностной зависимости и личностной зрелости обнаружены только отдельные значимые корреляции, в характеристиках дифференциации Я значимых различий не обнаружено (хотя обнаружены связи дифференциации Я с насилием партнеров в семьях с низким уровнем насилия). Соответственно, последняя частная гипотеза о различии взаимосвязей психологической ав-

тономии с насилием в зависимости от уровня насилия.

Полученные результаты позволяют оптимизировать психологическую помощь парам, поддерживающим деструктивные отношения. Понимание особенностей взаимосвязей реакций партнеров в зависимости от уровня насилия позволяет лучше понимать механизмы поддержания паттернов насилия в отношениях, легче отслеживать и корректировать

негативные циклы деструктивной привязанности.

Также выявленные взаимосвязи позволяют точнее понимать внутриличностные психологические механизмы поддержания деструктивных отношений в молодых семьях и помогать клиентам во время супружеской терапии исследовать их потребности и эмоции, стоящие за их поведенческими паттернами в конфликтах.

Список литературы

1. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. – Санкт-Петербург: Питер, 2001 – 544 с.
2. Григорова, Т.П. Деструктивная привязанность к партнеру во взрослом возрасте и совладание с ее проявлениями: дисс. ... канд. психологических наук: 19.00.13. – Костром. гос. университет, Кострома, 2015. – 166 с.
3. Follingstad D. R., Rutledge L. L., Berg B. J., Hause E. S. The Role of Emotional Abuse in Physically Abusive Relationships // Journal of Family Violence. – 1990. – Vol. 5. – No. 2.
4. Григорова, Т.П. Деструктивная привязанность к партнеру во взрослом возрасте и совладание с ее проявлениями: дисс. ... канд. психологических наук: 19.00.13. – Костром. гос. университет, Кострома, 2015. – 166 с.
5. Волков Е. Н. Критерии, признаки, определения и классификация вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие // Журнал практического психолога. – 2002. – № 6. – С. 183-199.
6. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. – СПб.: Питер, 2001 – 544 с.
7. Krug E.G. (2002) World report on violence and health. Geneva, World Health Organization, [Электронный ресурс] – 2022. – URL: https://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/global_campaign/en/chap4.pdf (дата обращения: 25.10.22)
8. Straus M., Hamby S., Boney-McCoy S., Sugarman D. The Revised Conflict Tactics Scales (CTS2): Development and preliminary psychometric data. Journal of Family Issues. – 1996. – No.17(3). – P. 283-316.
9. Фурманов, И. А. Социальные репрезентации форм психологического насилия в супружеских отношениях в добрачный период // Психологический журнал. – 2014. – № 1 (13). – С. 60-67.
10. Whitaker D. J., Haileyesus T., Swahn M., Saltzman L. S. Differences in frequency of violence and reported injury between relationships with reciprocal and nonreciprocal intimate partner violence. American journal of public health. – 2007. – No. 97(5). – P. 941-947.
11. Frieze I. H. Violence in close relationships—development of a research area: Comment on Archer. 2000. – P. 12.
12. Straus M. A. Gender symmetry and mutuality in the perpetration of clinical-level partner violence: Empirical evidence and implications for prevention and treatment. Aggression and Violent Behavior. – 2011. – No.16(4). – P. 279-288.
13. Fass D. F., Benson R. I., Leggett D. G. Assessing prevalence and awareness of violent behaviors in the intimate partner relationships of college students using internet sampling. Journal of College Student Psychotherapy. – 2008. – No. 22(4). – P. 66-75.
14. Renner L.M., Whitney S.D. Risk factors for unidirectional and bidirectional intimate partner violence among young adults. Child abuse & neglect. – 2012. – No. 36(1). – P. 40-52.
15. Bookwala J. The role of own and perceived partner attachment in relationship aggression. Journal of Interpersonal Violence. – 2002. – No. 17. – P. 84-100.

16. Henderson A. J., Bartholomew K., Trinke, S. J., & Kwong, M. J. When loving means hurting: An exploration of attachment and intimate abuse in a community sample. *Journal of family violence*. – 2005. – No.20(4). – P. 219-230.
17. Lawson D. M. Attachment, interpersonal problems, and family of origin functioning: Differences between partner violent and nonpartner violent men. *Psychology of Men & Masculinity*. – 2008. – No. 9(2). – P. 90.
18. Столору Р., Брандшафт Б., Атвуд Д. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. – Москва: Литрес, 2022. – 225 с.
19. Gilbert P. Compassion and cruelty: A biopsychosocial approach. *Compassion*. – Routledge, 2005. – 216 р.
20. Li Y., Doyle Lynch A., Kalvin C., Liu J., Lerner R. M. Peer relationships as a context for the development of school engagement during early adolescence. *International Journal of Behavioral Development*. – 2011. – No.35(4). – P. 329-342.
21. Чеботарева Е. Ю., Тархова В. С., Маландина А. М. PSY-ВЫШКА
Сборник материалов Международной научной конференции. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт». – 125 с.
22. Реан А. А., Евграфова Ю. А. Изучение связи показателей личностной зрелости и социально-психологической адаптации молодых супругов // *Национальный психологический журнал*. – 2019. – №3 (35).
23. Rakovec-Felser Z. Domestic violence and abuse in intimate relationship from public health perspective. *Health psychology research*. – 2014. – № 2(3).
24. Dutton D.G., Painter S.L. Traumatic bonding: The development of emotional attachments in battered women and other relationships of intermittent abuse. – *Victimology*. – 1981. – № 6. – P. 139-155.
25. Follingstad D.R., Dehart D.D. Defining psychological abuse of husbands toward wives: Contexts, behaviors, and typologies. *Journal of interpersonal violence*. – 2000. – № 15(9). – P. 891-920.
26. Фурманов, И. А. Социальные репрезентации форм психологического насилия в супружеских отношениях в добрачный период // *Психологический журнал*. – 2014. – № 1 (13). – P. 60-67.
27. Hirschfeld, R.M., Klerman G. L., Gouch H. G., Barrett J., Korchin, S. J., & Chodoff P. A measure of interpersonal dependency // *Journal of personality assessment*. 1977. № 41(6). P. 610-618.
28. Макушина О. П. Опросник межличностной зависимости. Р. Гиршфильд. Адаптация ОП Макушиной // *Психология общения*. – 2011. – P. 530-530.
29. Brennan, K.A., Shaver P.R. Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment (MIMARA). *Handbook of Family Measurement Techniques*. – 2001. – Vol. 3.
30. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А. Психодиагностика стресса и совладания в близких гетеросексуальных отношениях. – Кострома : КГУ, 2018. – 156 с.
31. Руженков В. А., Руженкова В. В., Лукьянцева И. С. Методика диагностики личностной зрелости // *Актуальные проблемы медицины*. – 2016, № 36, 26 (247). – С. 65-70.
32. Skowron E.A., Friedlander M. L. The Differentiation of Self Inventory: Development and initial validation. *Journal of counseling psychology*. – 1998. – № 45(3). – P. 235.
33. Давыдова Е.О., Чеботарева Е.Ю., Кони́на М.А. Особенности привязанности и дифференциация «я» в межкультурных браках // *Личность в современном мире: образование, развитие, самореализация. Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции*. – Москва, 2020. – С. 121-128.

Е. Ю. Чеботарева, К.А. Голубева

*Мәскеу мемлекеттік психологиялық-педагогикалық университеті,
Ұлттық зерттеу университеті Жогары экономика мектебі, Мәскеу, Ресей*

**Жас ерлі-зайыптылар жұбындағы әйелдердің психологиялық
автономиясының зорлық-зомбылық көріністерімен байланысы**

Аңдатпа. Дүние жүзіндегі некелік қатынастардағы зорлық-зомбылық өзекті мәселеге айналуда. Мақалада некелік серіктестің зорлық-зомбылық формаларының жас әйелдердің психологиялық автономиясымен байланысын, оның ішінде оның тұлғаишілік (МЕН дифференциациясы және тұлғалық кемелділік) және тұлғааралық (тұлғааралық тәуелділік және жақындық стилі) аспектілерін талдауға арналған эмпирикалық зерттеу ұсынылған. Әйелдің психологиялық автономиясы мен некелік серіктестің

зорлық-зомбылық деңгейінің сызықтық емес байланысы анықталды. Автономияның ең конструктивті емес үлгілері зорлық-зомбылықтың орташа (төмен) деңгейі бар отбасыларда көрінеді. Ерлі – зайыптылардың зорлық-зомбылық деңгейіне байланысты әйелдердің жақындық сипаттамалары, ең аз дәрежеде - МЕН дифференциация сипаттамалары ерекшеленеді. Зорлық-зомбылық деңгейі әртүрлі отбасыларда зорлық-зомбылық деңгейі мен әйелдің автономиясы арасындағы нақты қатынастар байқалады. Жалпы, зорлық-зомбылық деңгейі төмен болған кезде жақындық / автономия дәрежесін реттеуге бағытталған неғұрлым белсенді реакциялар, зорлық – зомбылықтың орташа деңгейінде – қашықтыққа және автономияны күшейтуге реакциялар, жоғары деңгейде (орташадан жоғары) - неғұрлым пассивті және тәуелді реакциялар байқалады.

Түйін сөздер: некелік зорлық-зомбылық, жұптағы зорлық-зомбылық, некелік қатынас, психологиялық автономия, жақындық, тұлғааралық тәуелділік, МЕН дифференциациясы, тұлғалық кемелділік.

E.Yu. Chebotareva, K.A. Golubeva

*Moscow State University of Psychology and Education,
National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia*

Interrelation of women's psychological autonomy and violence in young couples

Abstract. Marital violence relations is becoming an increasingly urgent problem all around the world. The article presents an empirical study on the correlations between forms of partner's violence and the psychological autonomy of young women, including its intrapersonal (differentiation of the self and personal maturity) and interpersonal (interpersonal dependence and attachment style) aspects. A non-linear relationship was found between the psychological autonomy of a woman and the level of violence from her partner. The most non-constructive patterns of autonomy appear in families with an average (closer to low) level of violence. To a greater extent the characteristics of women's attachment differ depending on the level of marital violence; to the least extent, the characteristics of differentiation of the self. There are specific relationships between the level of violence and women's autonomy in families with different levels of violence. In general, there are more active reactions aimed at regulating the degree of intimacy / autonomy at a low level of violence, reactions of distancing and strengthening autonomy at an average level of violence, and more passive and dependent reactions - at a higher level (above average).

Keywords: marital violence, couple violence, marital relationships, psychological autonomy, attachment, interpersonal dependence, differentiation of self, personal maturity.

References

1. Kunicyna V. N., Kazarinova N. V., Pogol'sha V. M. Mezhlchnostnoe obshhenie [Interpersonal communication], (Saint-Petersburg, Piter, 2001, 544 p.), [in Russian].
2. Grigorova, T.P. Destruktivnaja privjazannost' k partneru vo vzrosлом vozzraste i sovladanie s ee projavlenijami: diss. ... kand. psihologicheskikh nauk: 19.00.13. [Destructive partner attachment in adulthood and coping with its manifestations: dissertation. ...Candidate of Psychological Sciences:], (Kostrom. gos. universitet, Kostroma, 2015, 166 p.), [in Russian].
3. Follingstad D. R., Rutledge L. L., Berg B. J., Hause E. S. The Role of Emotional Abuse in Physically Abusive Relationships. Journal of Family Violence. 1990. Vol. 5. No. 2.
4. Grigorova, T.P. Destruktivnaja privjazannost' k partneru vo vzrosлом vozzraste i sovladanie s ee projavlenijami: diss. ... kand. psihologicheskikh nauk: 19.00.13. [Destructive partner attachment in adulthood and coping with its manifestations: dissertation. ...Candidate of Psychological Sciences:], (Kostrom. gos. universitet, Kostroma, 2015, 166 p.), [in Russian].
5. Volkov E. N. Kriterii, priznaki, opredelenija i klassifikacija vredjashhego psihologicheskogo vozdejstvija: psihologicheskoe travmirovanie, psihologicheskaja agressija i psihologicheskoe nasilie. Zhurnal prakticheskogo psihologa [Criteria, signs, definitions and classification of harmful psychological influence: psychological trauma, psychological aggression and psychological violence. Journal of the practical psychologist]. 2002. No. 6. P. 183-199, [in Russian].

6. Kunicyna V. N., Kazarinova N. V., Pogol'sha V. M. Mezhlchnostnoe obshhenie [Interpersonal communication], (SPb, Piter, 2001, 544 p.), [in Russian].
7. Krug E.G. World report on violence and health. Geneva, World Health Organization, Available at: https://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/global_campaign/en/chap4.pdf (accessed 25.10.22)
8. Straus M., Hamby S., Boney-McCoy S., Sugarman D. The Revised Conflict Tactics Scales (CTS2): Development and preliminary psychometric data. *Journal of Family Issues*. 1996. No.17(3). P. 283-316.
9. Furmanov, I. A. Social'nye reprezentacii form psihologicheskogo nasiliya v supruzheskih otnoshenijah v dobrachnyj period. *Psihologicheskij zhurnal* [Social representations of forms of psychological violence in conjugal relations in the premarital period. *Psychological Journal*.]. 2014. No. 1 (13). P. 60-67, [in Russian].
10. Whitaker D. J., Haileyesus T., Swahn M., Saltzman L. S. Differences in frequency of violence and reported injury between relationships with reciprocal and nonreciprocal intimate partner violence. *American journal of public health*. 2007. No. 97(5). P. 941-947.
11. Frieze I. H. Violence in close relationships—development of a research area: Comment on Archer. 2000. P. 12.
12. Straus M. A. Gender symmetry and mutuality in the perpetration of clinical-level partner violence: Empirical evidence and implications for prevention and treatment. *Aggression and Violent Behavior*. 2011. No.16(4). P. 279-288.
13. Fass D. F., Benson R. I., Leggett D. G. Assessing prevalence and awareness of violent behaviors in the intimate partner relationships of college students using internet sampling. *Journal of College Student Psychotherapy*. 2008. No. 22(4). P. 66-75.
14. Renner L.M., Whitney S.D. Risk factors for unidirectional and bidirectional intimate partner violence among young adults. *Child abuse & neglect*. 2012. No. 36(1). P. 40-52.
15. Bookwala J. The role of own and perceived partner attachment in relationship aggression. *Journal of Interpersonal Violence*. 2002. No. 17. P. 84-100.
16. Henderson A. J., Bartholomew K., Trinke, S. J., & Kwong, M. J. When loving means hurting: An exploration of attachment and intimate abuse in a community sample. *Journal of family violence*. 2005. No.20(4). P. 219-230.
17. Lawson D. M. Attachment, interpersonal problems, and family of origin functioning: Differences between partner violent and nonpartner violent men. *Psychology of Men & Masculinity*. 2008. No. 9(2). P. 90.
18. Stolorou R., Brandshaft B., Atvud D. *Klinicheskij psihoanaliz. Intersubektivnyj podhod* [Clinical Psychoanalysis. An intersubjective approach], (Moskva, Litres, 2022, 225 p.), [in Russian].
19. Gilbert P. Compassion and cruelty: A biopsychosocial approach. *Compassion*. (Routledge, 2005, 216 p.).
20. Li Y., Doyle Lynch A., Kalvin C., Liu J., Lerner R. M. Peer relationships as a context for the development of school engagement during early adolescence. *International Journal of Behavioral Development*. 2011. No.35(4). P. 329-342.
21. Chebotareva E. Ju., Tarhova V. S., Malandina A. M. *PSY-VYShKA Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Proceedings of the International Scientific Conference], (Sankt-Peterburg, ООО «Skifija-print», 125 p.), [in Russian].
22. Rean A. A., Evgrafova Ju. A. Izuchenie svyazi pokazatelej lichnostnoj zrelosti i social'no-psihologicheskoy adaptacii molodyh suprugov. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [The study of the relationship of indicators of personal maturity and socio-psychological adaptation of young spouses. *National Psychological Journal*.]. 2019. No. 3 (35), [in Russian].
23. Rakovec-Felser Z. Domestic violence and abuse in intimate relationship from public health perspective. *Health psychology research*. 2014. No. 2(3).
24. Dutton D.G., Painter S.L. Traumatic bonding: The development of emotional attachments in battered women and other relationships of intermittent abuse. - *Victimology*. 1981. No. 6. P. 139-155.
25. Follingstad D.R., Dehart D.D. Defining psychological abuse of husbands toward wives: Contexts, behaviors, and typologies. *Journal of interpersonal violence*. 2000. No. 15(9). P. 891-920.
26. Furmanov, I. A. Social'nye reprezentacii form psihologicheskogo nasiliya v supruzheskih otnoshenijah v dobrachnyj period. *Psihologicheskij zhurnal* [Social representations of forms of psychological violence in marital relationships in the premarital period. *Journal of Psychology*.]. 2014. No. 1 (13). P. 60-67, [in Russian].
27. Hirschfeld, R.M., Klerman G. L., Gouch H. G., Barrett J., Korchin, S. J., & Chodoff P. A measure of interpersonal dependency. *Journal of personality assessment*. 1977. No. 41(6). P. 610-618, [in Russian].

28. Makushina O. P. Oprosnik mezhlichnostnoj zavisimosti. R. Girshfil'd. Adaptacija OP Makushinoj. Psihologija obshhenija [The interpersonal dependence questionnaire. R. Hirschfield. Adaptation of OP Makushina. Psychology of Communication]. 2011. P. 530-530, [in Russian].
29. Brennan, K.A., Shaver P.R. Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment (MIMARA). Handbook of Family Measurement Techniques. 2001. Vol. 3.
30. Krjukova T.L., Ekimchik O.A. Psihodiagnostika stressa i sovladanija v blizkih geterosek- sual'nyh otnoshenijah [Psychodiagnosics of stress and coping in close heterosexual relationships], (Kostroma, KGU, 2018, 156 p.), [in Russian].
31. Ruzhenkov V. A., Ruzhenkova V. V., Luk'janceva I. S. Metodika diagnostiki lichnostnoj zrelosti. Aktual'nye problemy mediciny [Diagnostic technique of personal maturity. Actual problems of medicine]. 2016. No. 36, 26 (247). P. 65-70, [in Russian].
32. Skowron E.A., Friedlander M. L. The Differentiation of Self Inventory: Development and initial validation. Journal of counseling psychology. 1998. No.45(3). P. 235.
33. Davydova E.O., Chebotareva E.Ju., Konina M.A. Osobennosti privjazannosti i differenciacija «ja» v mezhkul'turnyh brakah. Lichnost' v sovremennom mire: obrazovanie, razvitie, samorealizacija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj onlajn-konferencii [Features of attachment and differentiation of «I» in intercultural marriages. Personality in the modern world: education, development, self-realization. Materials of the International scientific-practical on-line conference]. Moskva, 2020. P. 121-128, [in Russian].

Сведения об авторах:

Чеботарева Е.Ю. – автор для корреспонденции, кандидат психологических наук, доцент кафедры детской и семейной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доцент департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Голубева К.А. – магистрант кафедры детской и семейной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия.

Chebotareva E.Ju. – **Corresponding author**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Child and Family Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Associate Professor of the Department of Psychology of the National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.

Golubeva K.A. – a master's student of the Department of Child and Family Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia.